

«Убери или убираться». (Само)управление, сообщество и гражданство в новых жилых комплексах в российских городах

Любовь Чернышева

Кандидат социологических наук, аспирантка, Амстердамский институт социальных исследований,
Университет Амстердама
Адрес: Postbus 15718, Amsterdam, Netherlands 1001
E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

В статье представлен анализ (само)управления новым жилым комплексом «Северная долина» (Санкт-Петербург). Построенный в период неолиберализации российской жилищной политики, этот ЖК является городским пространством, в котором вмешательство и контроль со стороны государства ограничены, предоставление социальных благ частично переложено на частную компанию-девелопера, управляющую территорией, а социальный контроль во многом осуществляют жители. Эта ситуация анализируется как пример неолиберального коммунитаризма, или модели управления, основанной на мобилизации сообщества, респонсибилизации горожан и акценте на понятии «гражданство». В отличие от существующих подходов, неолиберальный коммунитаризм рассматривается не через программы, заданные «сверху» городской администрацией, а через практики самоуправления жителей нового района. На материалах проведенных фокус-групп, а также онлайн-коммуникации жителей «Северной долины» показано, во-первых, какие представления сформировались у них по поводу устройства управления территорией района, с акцентом на распределении ответственности за решение проблем и непосредственно той роли, которую жители отводят себе. Во-вторых, продемонстрировано, как проявляются элементы неолиберального коммунитаризма: возникающие за пределами государства практики контроля за порядком, респонсибилизация жителей района, а также формирование гражданства особого типа. Для описания того, как эти элементы вводятся не «сверху», в рамках городской/государственной кампании по вовлечению жителей, а возникают «снизу», в практике соседей по ЖК, предложено понятие «силовое соседство», отражающее радикальную форму респонсибилизации, которую осуществляют жители по отношению друг к другу, а также понятие «локальное городское гражданство», которое схватывает связь между жителями «Северной долины», сообществом и территорией.

Ключевые слова: самоуправление, новые жилые комплексы, жилищная политика, сообщество, городское гражданство, респонсибилизация, неолиберальный коммунитаризм

Словосочетание «соседские чаты» у многих вызывает негативные ассоциации: обсуждения там далеко не всегда приводят к решениям соседских проблем, проходят зачастую на повышенных тонах и сопровождаются агрессией. Соседи то и дело призывают замазать эпоксидной смолой замок тому, кто шумит по ночам, или высыпать мусор перед дверью того, кто оставил пакет около мусоропровода. В ответ на такие высказывания одна из жительниц «Северной долины» — крупного жилого комплекса в Петербурге, известного также как Парнас — однажды написала: *«Прочитав сотни комментов к десяткам постов, я прихожу к выводу, что больше*

всего Парнасу нужны не школы, сады и парковки, <...> Парнасу нужен... Шериф! Не хилый участковый с огурцом в кабуре и папочкой для бумаг подмышкой. Шериф! Вершитель мгновенной Справедливости»¹. Такой супер-герой призван решать накопившиеся проблемы через подавление и жесткое наказание виновных: «Припарковал кто то криво и не туда — и вот зубы и сопли автолоха стекают с капота на снег. <...> Шериф, почесывая трехдневную щетину, заставил хозяина мопса сожрать собачье говно, а шумные соседи в кандалах моют черную лестницу и тихо поют псалмы». Этот шуточный и на первый взгляд не требующий внимания комментарий открывает необычную перспективу для анализа городского (само)управления в новых жилых районах.

Шутка подчеркивает перевернутую иерархию значимости локальных проблем: вопросы уборки за собаками и чистоты на лестнице будто предстают более важными, чем проблемы недостроенной инфраструктуры, борьба за которую является значимой частью жизни новых районов (Запорожец, Багина, 2021). Подобные проблемы связаны с неолиберализацией городской жилищной политики, которая происходит в городах по всему миру, хотя и проявляется по-разному (Candan, Kolluoğlu, 2008; Hidalgo et al., 2018). Неолиберализм — это политическая доктрина и политэкономическая теория, опирающаяся на принципы сильного права собственности, свободного рынка, наделенного дисциплинирующей ролью, дерегуляции со стороны государства и передачу социальных функций от государства к частным посредникам (Харви, 2007, Реск, 2010). В рамках такой доктрины жилье предстает не общественным благом, но объектом инвестиций, удовлетворяющим потребности капитала в постоянном росте (Harvey, 2010). При этом логика крупных жилищных проектов способствует эффективному извлечению капитала, часто игнорируя сбалансированное городское развитие и благополучие жителей (Gualini, Majoor, 2007; Salet, 2008). Строительство крупных жилых районов на окраинах городов стало типовой формой для капитализации по всему миру, будь то города Израиля, Дании, Испании (Majerowitz, Allweil, 2019), Чили (Zunino, Hidalgo, 2009) или постсоциалистские города Казахстана (Bissenova, 2012).

Эта статья вносит вклад в исследования моделей управления постсоциалистическими городами (Büdenbender, Zupan, 2017; Golubchikov, 2004), в том числе — жилищной сферой.

Продолжая дискуссию о разнообразии «реально существующих неолиберализмов» (actually existing neoliberalisms) (Brenner, Theodore, 2002), я показываю, что жилищная политика России 2010-х годов представляет собой пример гибридной формы неолиберализма, которая, с одной стороны, переносит бремя предоставления социальных благ на горожан и частные компании, с другой — прибегает к риторике социальной защиты (Матвеев, 2015; Matveev, Novkunskaaya, 2020). В результате новые крупные жилые комплексы сталкиваются с проблемами дефицита

---

1. Здесь и далее при цитировании сообщений с онлайн-страниц «Северной долины» авторская пунктуация и орфография сохранены.

социальной инфраструктуры, неразвитой средой, транспортной недоступностью и трудностями в участии жителей в управлении домами.

«Провалы» подобных неолиберальных политик в различных сферах зачастую компенсируют отдельные люди или локальные сообщества. Они поддерживают важнейшие городские функции, замещая инфраструктуру в ситуации их поломки (Dominelli, 2013), декоммодифицируют социальные блага, в том числе жилье, делая их доступными широкой публике (Хан, Имамаса, 2020), или требуют от государства равного социального обеспечения вне зависимости от места жительства — в центре города или в фавелах (Holston, 2009). В подобных практиках формируется так называемое «городское гражданство» (Blokland et al., 2015; Purcell, 2003). В отличие от национального гражданства оно устанавливает связь жителей и локального сообщества, отдельных действий людей и достижения общего блага на локальной территории.

Проявление локального гражданства через деятельность на благо сообщества — от борьбы за доступное жилье (Fields, 2015) до всевозможных DIY-практик (Iveson, 2013) — многие авторы рассматривают как реализацию коллективного по своей природе «права на город» (Харви, 2008), а значит, борьбы с «колонизацией» повседневности, осуществляемой капиталистическими силами и действующими с ними в одной логике правительствами городов. Однако в этой статье я критически рассматриваю включение жителей в решение локальных городских проблем. Парадоксальным образом важная роль сообществ в поддержании жизни городов делает их привлекательным объектом для управления со стороны городских администраций (Miller, Rose, 2008). Следуя за рядом исследователей, я предлагаю рассматривать, как городские сообщества и низовые инициативы не атакуют, а *поддерживают* саму неолиберальную логику городского управления (Houdt, Schinkel, 2014; Patton, 2009). Такая модель получила название «неолиберальный коммунитаризм» (Houdt, Schinkel, 2014): она предполагает мобилизацию сообществ и респонсибилизацию — перенос на горожан ответственности за городские проблемы и их решение.

Обращаясь к материалам, собранным в ЖК «Северная долина» в рамках нескольких исследовательских проектов с 2016 по 2021 год², я рассмотрю, какие формы может принимать неолиберальный коммунитаризм в конкретных местах. В отличие от авторов, фокусирующихся на том, как такая модель реализуется государством «сверху» (Houdt, Schinkel, 2014; Patton, 2009), я предлагаю перевернуть этот подход и обратиться к перспективе «снизу», то есть к тому, как распределяется ответственность за управление жилым районом в представлениях и практиках его жителей. Я покажу, что, несмотря на отсутствие государственной кампа-

---

2. Основными материалами статьи стали проведенные в 2019 году фокус-группы с жителями «Северной долины». Одна группа объединила жителей, вовлеченных в работу советов домов, две группы были собраны по критерию возраста (20–59 лет и 60+ лет), еще одна группа состояла только из арендаторов, в то время как в три другие вошли только собственники квартир. Статья также опирается на 25 интервью (21 с жителями «Северной долины» и 4 с экспертами в области городского развития) и на анализ 110 отобранных постов и последующих дискуссий длиной от 10 до 250 комментариев, которые были опубликованы жителями на самой крупной онлайн-странице «Северной долины» в социальной сети «ВКонтакте» с 2016 по 2021 год.

нии/программы вовлечения сообществ в решение локальных проблем, жители «Северной долины» все же оказываются частью машины, в которой, занимаясь проблемами, возникшими в результате сложившихся в 2010-х форм жилищной политики, они действуют в логике неолиберального коммунитаризма и поддерживают удобную для государства политику, связанную с отказом от регулирования жилищной сферы.

В следующих частях я последовательно рассмотрю историю «Северной долины», иллюстрирующую процессы неолиберализации российской жилищной политики, затем опишу концепцию неолиберального коммунитаризма и прослежу, как ее элементы, связанные с разными формами респонсификации, активацией локального гражданства и действиями сообщества, проявляются в управлении районом. Я покажу, как связано создание «Северной долины» — проекта комплексного освоения территории и продукта неолиберальной жилищной политики — с тем, как ее жители представляют себе повседневное самоуправление своим районом, как они распределяют ответственность между различными субъектами за поддержание района в благоприятном состоянии, а также какую роль они отводят себе.

Неолиберализация жилья и жилищной политики в России

В силу уникальности исторических контекстов и локальных институтов, в условиях которых государства реализуют свою политику, неолиберализм приобретает разнообразные формы, которые называют «реально существующими неолиберализмами» (*actually existing neoliberalisms*) (Brenner, Theodore, 2002). Это понятие указывает на то, что неолиберальная идеология на практике реализуется по-разному, сталкиваясь с уже сложившимися в городах политическими режимами и институтами, устоявшимися регуляторными практиками и отношениями между политическими акторами. Так, например, российское государство, пережившее серьезные трансформации политической и экономической систем в начале 1990-х, изначально разворачивало неолиберальную политику в двух направлениях: с одной стороны, оно переносило ответственность за социальное обеспечение на домохозяйства, с другой — выстраивало новые формы государственного управления, основанные на конкуренции и логике рынка (Romanov, 2008). Со временем неолиберальный подход был дополнен политикой построения «сильного государства» — их несколько парадоксальное сочетание породило современный российский неолиберализм, который можно назвать «гибридным»: он предполагает проведение социальных реформ неолиберального толка, сопровождаемых риторикой увеличения социальных обязательств государства (Матвеев, 2015). Проводя дерегуляцию различных сфер экономики, оптимизируя системы управления, сокращая государственные бюджеты на социальную сферу и привлекая частные компании к реализации государственных функций, российские власти одновременно публично провозглашают усиление государственной заботы о гражданах и увели-

чение расходов на социальные нужды (Матвеев, 2015; Matveev, Novkunskaya, 2020). Неолиберальная логика реформ сочетается в России с «воспроизводством отдельных элементов советского наследства» (Матвеев, 2015: 34), устанавливая «неолиберализм в советском духе» (Hemment, 2009).

Проиллюстрировать этот тезис можно, обратившись к сфере жилищной политики в постсоветские годы. Центральными изменениями постсоветского времени стали приватизация (Attwood, 2012) и появление рынка жилья и аренды в России (Golubchikov, 2004; Макарова, 2010; Puzanov, 2018). Жилищное хозяйство из государственного, финансируемого из средств государственного бюджета, постепенно стало переходить в рыночную форму. Возникли различные варианты самоуправления и частные организации, обслуживающие жилой фонд (Бессонова, 2011). Все перечисленные изменения идеологически носили неолиберальный характер: создавались новые рынки и новые отношения между государством и гражданином, основанные на индивидуальной ответственности. На практике же жилье не формировало полноценный рынок (Zaviska, 2012; Stephens et al., 2015), жилищное хозяйство все еще субсидировалось из местных бюджетов и бюджетов муниципальных предприятий, а горожане по-прежнему воспринимали муниципалитеты как ответственных за управление жилым фондом (Бычкова, Попова, 2013; Бессонова, 2011). Устройство унаследованных «социалистических» инфраструктур также не позволяло в полной мере «вырастить» индивидуальных ответственных потребителей коммунальных услуг (Бычкова, Попова, 2013).

В 2000-х годах государство расширило свое участие в социальной сфере, в том числе в жилищной политике (Cook, 2011), но не совершило полный разворот от неолиберальных реформ, а лишь создало сложное сочетание государственных и неолиберальных подходов (Kulmala et al., 2014). Однако к концу десятилетия стал заметным новый виток «реально существующей» неолиберальной жилищной политики. Во-первых, появилась новая форма жилого девелопмента — комплексное освоение территорий (КОТ)³, во-вторых, в 2005-м была принята программа «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». Будучи альтернативой уплотнительной застройке, проекты КОТ стали осуществимыми благодаря появлению на строительном рынке крупных компаний, которые обладали серьезным политическим весом. Их интересы совпали с интересами городских администраций, как отмечает один из информантов, эксперт в сфере недвижимости:

«Всем была поставлена задача — увеличить объем строительства. <...> Один из важных КРІ по эффективности администрации городской, региональной, это <...> ввод жилья. И было件нятно, что без активации этих КОТов эти показатели никак не обеспечить. <...> Поэтому началось увлечение этими мегапроектами».

---

3. Основная идея КОТ заключалась в реализации масштабного проекта развития территории (чаще всего на периферии города) одной или несколькими крупными девелоперскими компаниями, включающего помимо строительства жилья создание социальных объектов и инфраструктуры за счет застройщика.

Процедура организации КОТ была следующая⁴: девелоперская компания по результатам торгов получала крупный земельный участок в аренду на длительный срок (например, 49 лет) для реализации проекта крупного ЖК, при этом в зависимости от договора с городской администрацией на эту компанию могли быть также возложены обязательства по строительству инженерных сетей и социальных объектов. Так появился один из флагманов жилищного строительства этой эпохи — ЖК «Северная долина». В 2006 году городское правительство передало участок земли в 270 га в аренду компании «Главстрой-СПб», которая планировала построить 2 млн 700 тыс. кв. м доступного жилья, вмещающих порядка 80 000 жителей. Проект курировала лично губернатор В. Матвиенко, которая публично заявила, что «*Северная долина*» *станет одним из самых красивых и комфортных новых микрорайонов города*⁵ и «*Город проследит, чтобы вся социальная инфраструктура вводилась застройщиками без отставания*»⁶.

Фактически крупная девелоперская компания брала на себя обязательства, которые в советское время лежали на плечах государства. Механизм КОТ в какой-то степени имитировал создание советских микрорайонов, а сам ЖК «Северная долина» оказался продолжателем плана застройки Ленинграда, о чем говорит в интервью бывший чиновник петербургского Комитета по градостроительству и архитектуре: «*Вот эти спальные районы, они практически были сформированы уже в хрущевском генплане. Уже “Северная долина” была в хрущевском генплане.*»

За фасадом государственной заботы, однако, оказались процессы неолиберализации: фактически городская администрация не просто переложила бремя выполнения социальных обязательств по обеспечению жителей социальной инфраструктурой на плечи частной компании, но также, согласно контракту, на 49 лет потеряла возможность вмешиваться в процессы строительства и ввода социальных объектов в эксплуатацию. В результате в «Северной долине» — как и в других аналогичных проектах (Челнокова, Гуревич, 2017) — строительство социальной инфраструктуры существенно отстает: на 2018 год, когда ЖК уже был построен на 70%, социальная инфраструктура была построена только на 35% (детские сады) и 11% (школы) (см. подробнее: Чернышева, 2019). Городская администрация предлагала решение проблем в той же неолиберальной логике: в 2017 году инициировано создание Фонда социальных обязательств застройщиков, в который застройщики должны были перечислять процент с каждого построенного квадратного метра⁷. Появление та-

4. Согласно принятому в 2004 году Федеральному закону N 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации».

5. Губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко провела рабочее совещание на стройплощадке «Северной долины». (2010). URL: <https://sevdol.ru/news/gubernator-sankt-peterburga-v-i-matvienko-provela-rabochee-soveshchanie-na-stroyploshchadke-severnoy/> (дата доступа: 04.04.2023).

6. Матвиенко: Город проследит за социальными объектами (2010). URL: <https://gazeta.bn.ru/articles/2010/06/25/65043.html> (дата доступа: 04.04.2023).

7. Застройщики могут направить предложения по структуре и работе Фонда социальных обязательств до 4 декабря (2017). URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/komstroy/news/125087/> (дата доступа: 04.04.2023).

ких отчислений в конечном счете создало бы двойное обременение для покупателей квартир, которые платили бы за возможность пользоваться детскими садами и школами дважды — сначала посредством налогов, затем скрытой долей стоимости квартиры. Что касается решения уже существующих проблем «Северной долины», отвечая официально на жалобы⁸ горожан на отсутствие школ и детских садов, городская администрация ссылалась на планы по возведению и ввод в эксплуатацию этих объектов, не выражая своего отношения к происходящим нарушениям и не упоминая какие-либо принятые меры для разрешения конфликта.

Аналогичная ситуация возникла по поводу участкового пункта полиции, который был открыт лишь в 2016 году⁹. Тогда на территории уже проживало порядка 40 тысяч человек. Сегодня, когда население района составляет порядка 80 тысяч человек, по-прежнему нет полноценного круглосуточного отделения полиции, а существующий пункт работает лишь несколько часов в неделю.

Важный аспект процессов неолиберализации проявляется и в том, как устроено жилищное самоуправление в «Северной долине». Как подробно показано в статье (Чернышева, 2020), несмотря на то что управляющая компания в соответствии с Жилищным кодексом является подотчетной собственникам жилья, фактически будучи аффилированной с застройщиком, УК выступает полноправной хозяйкой жилого комплекса и всевозможными — в том числе неправовыми — способами стремится ограничить самоуправление. Попытки жителей провести общее собрание в огромном доме на 3000 квартир, набрать кворум и принять решение по поводу общедомового имущества, параллельно сопротивляясь саботажу УК, препятствующей проведению собрания, малоуспешны.

Суммируя, можно сказать, что «Северная долина», один из первых — и типовых — современных крупных ЖК, демонстрирует все тенденции гибридной неолиберализации жилищной сферы в постсоветской России. За фасадом заботы государства о гражданах, за риторикой «доступного» жилья на крупной городской территории сформировался фактически «частный» город, где государство не может выполнять свои социальные обязательства и снимает с себя ответственность за управление домами и пространствами между ними.

Неолиберальный коммуитаризм, или Зачем городу сообщества

С середины 2010-х район «Северная долина» подвергается критике со стороны урбанистов и специалистов по городскому развитию. Порой эта критика выходит за рамки обсуждения транспортной доступности и отсутствия социальной инфраструктуры, создающих наблюдаемые проблемы здесь-и-сейчас. Критики ата-

8. С 2014 года жители района направили в адрес органов городской и федеральной власти не менее четырех петиций с требованием ускорения строительства социальной инфраструктуры. Каждая из них собрала до 5 тысяч подписей (онлайн и офлайн).

9. *Участковый пункт полиции открылся в Выборгском районе Санкт-Петербурга на территории «Северной долины»* (2016). URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_viborg/news/85627/ (дата доступа: 04.04.2023).

куют материальную форму ЖК: считается, что дома и планировка пространства способствуют анонимности жителей, отсутствию контактов с соседями и заботы о районе (подробнее см.: Чернышева, 2019).

Иными словами, критикуя ЖК, урбанисты поднимают проблему формирования сообществ в новых районах с их материальностью, доставшейся в наследство от советских планировочных практик и принявшей монструозные формы. Но это не уникальная проблема новостроек: многочисленные инициативы городских активистов, культурных и социальных институций направлены на формирование городских сообществ¹⁰. Риторика сообщества как необходимого элемента «качественной среды» становится настолько вездесущей, что возникает обратное требование «права на одиночество», которое подчеркивает, что город — это «*уникальная возможность для человека как раз не быть частью никакого сообщества. <...> которая позволяет человеку быть одному*» (Куренной, 2017: 19).

Сожаление о «смерти» сообществ в городах и стремление их возродить — это общее место в городских исследованиях и практиках по всему миру. С одной стороны, эта риторика сообществ связана с критическим урбанизмом и понятием «права на город», которое выражается в непосредственном *коллективном* участии в управлении городом (Харви, 2008). Сообщества — это тот элемент городской жизни, который способен к созданию и поддержанию общего блага, к декоммодификации городского пространства (Castells, 1983). В этом смысле развитие сообществ предстает альтернативой неолиберальной доктрине.

С другой же стороны, парадоксальным образом идея сообщества находит свое место в неолиберальной политике города. Сообщества становятся объектом управления: их программируют, развивают, картируют, сохраняют; «сообщество» становится значимой единицей градопланирования в неолиберальном городе (Miller, Rose, 2008). Более того, развитие сообществ оказывается *подчиненным* неолиберальной логике. Так, исследователи показывают, как в городах формируется *неолиберальный коммуитаризм* — стратегия управления, соединяющая в себе несочетаемые на первый взгляд элементы — неолиберальную логику и ценности коллективного участия (Houdt, Schinkel, 2014; Patton, 2009). Механика неолиберального коммуитаризма раскрывается на примере борьбы с преступностью в Роттердаме (Houdt, Schinkel, 2014). Столкнувшись в 1980-х годах с высоким уровнем преступности и не имея возможности увеличивать государственные расходы, власти Нидерландов инициировали кампанию, которая предполагала мобилизацию отдельных граждан, гражданского общества и частного сектора для борьбы с преступностью¹¹. Риторика властей предполагала респонсибилизацию сообществ и отдельных граждан, то есть перенос ответственности за решение проблем «на аутсорс», столь характер-

10. В последние годы также издаются научно-практические пособия по созданию сообществ (Кузнецов и др., 2021; Делленбо-Лоссе и др., 2021).

11. Речь шла о так называемых «мелких» преступлениях и нарушениях порядка, в то время как борьбу с «тяжкими» преступлениями (например, организованной преступностью) государство оставляло за собой.

ную для неолиберальной политики (Dean, 1999). Подобное не прямое управление дистанцирует государство от непосредственного решения проблемы. Политические цели достигаются не за счет подчинения: граждане действуют как бы сами по себе, предпринимчиво выполняя переданные им обязанности (Puysiäinen et al., 2017).

В одном из программных документов министерства юстиции Нидерландов было обозначено, что слишком долго артикулированы были лишь *права* граждан, теперь же настало время обратить внимание на их *обязанности* перед другими гражданами и сообществом в широком смысле (Houdt, Schinkel, 2014). В подобных заявлениях проявляются два разных вида респонсификации: *репрессивная* обвиняет граждан в том, что они сами перестали уважать закон и оказались в зоне риска, и потому заслуживают интервенцию и применение к ним различных мер. *Фасилитирующая* — стимулирует «активное гражданство», которое предполагает, что граждане вовлечены в достижение общих целей, кооперируются с государством и считаются ответственными за результаты поддержания порядка.

Ситуацию вокруг «Северной долины» отличает риторика городских властей. Как уже было сказано, в России сформировался гибридный тип неолиберализма, который сочетает привлечение частного капитала для реализации государственных функций с риторикой заботы о гражданах и усилении социальной поддержки. Поэтому в упомянутых выше высказываниях губернатора именно городская администрация выступает основным актором, ответственным за то, чтобы «обеспечить» (или «проконтролировать») обеспечение социальными благами, включая безопасность. Возникает вопрос: можно ли вообще говорить о неолиберальном коммунитаризме в этом случае, если отсутствует ключевой его элемент — респонсификация горожан в риторике городских властей?

Риторика государства важна, но не менее важно и то, как она превращается в реальные практики управления территорией и способы распределения ответственности в тех ситуациях, когда возникает необходимость поддержания порядка. Респонсификация — это не только стратегия государства, но и непосредственная практика ее реализации, а значит, необходимо исследовать не только то, как государство наделяет ответственностью, но и то, как эту ответственность берут на себя «на местах», в конкретных ситуациях (Birk, 2017). Если авторы, исследующие неолиберальный коммунитаризм и респонсификацию, чаще фокусируют внимание на риторике и действиях представителей власти, я предлагаю подойти к исследованию с другой стороны и сделать акцент на перспективе жителей «Северной долины». Реализуют ли они в своих представлениях и практиках неолиберальный коммунитаризм, который предписывает брать на себя ответственность перед территориальным сообществом?

Формула управления «Северной долиной»

Собственники квартир в «Северной долине» занимают важное место в структуре управления жильем. В соответствии с Жилищным кодексом, они отвечают

не только за собственные квартиры, но также за все инфраструктуры многоквартирных домов и участки земли под ними и вокруг. Иные же территории являются в разных конфигурациях зонами ответственности застройщика, городских и муниципальных властей. Однако, как показали фокус-группы, представления жителей о своей роли в управлении отличаются от той, что предполагает формальная структура управления.

Жители района, которые вовлечены в деятельность формальных органов самоуправления (советов домов), разительно расходятся в своих суждениях от не вовлеченных в такую работу жителей. Они имеют четкую картину представлений о взаимосвязях различных органов власти с застройщиком, управляющей компанией (УК) и собственниками. Они рассуждают о проблемах района с точки зрения полномочий разных органов/инстанций/организаций и возможностей/стратегий навигации между ними. Отвечая на вопрос о том, кто должен решать проблемы, один из участников подчеркивает, что *«у каждой проблемы есть свой адрес»* (ФГ 1, собственник, член Совета дома). В результате прошлого опыта взаимодействия с застройщиками, УК, муниципальными депутатами, чиновниками разных уровней и профилей у таких жителей сложилось представление о дифференцированной системе распределения ответственности: они знают, как устроена ответственность в «Северной долине», какие органы вовлечены в процессы оснащения района социальной инфраструктурой, а какие — в текущий ремонт оборудования дома. Они владеют законодательной базой и разбираются в том, как отстаивать свои права законными методами. Перечисляя тех, кто должен решать проблемы, они практически не упоминают абстрактную «городскую власть». Основные агенты, на которых они возлагают ответственность за решение проблем, — это управляющие компании (УК) и собственники квартир, обязанности которых контролировать обслуживание: *«Профессионалы должны этим [обслуживанием дома] заниматься, но профессионалы, которые четко под контролем жителей»* (ФГ 1, собственница, член Совета дома). Однако признавая, что возможности этих агентов ограничены законодательно (нормативами, устройством институтов самоуправления и т.п.), наиболее вовлеченные жители указывают на роль законодательной власти (городской и федеральной) в решении проблем: *«При нынешнем законодательстве это ничего не сделать. Нужно менять законодательство, в первую очередь, электрифицировать голосование [собственников помещений в многоквартирных домах]»* (ФГ 1, собственник, член Совета дома).

В отличие от таких вовлеченных горожан, составляющих явное меньшинство в «Северной долине», те, кто не имел опыта взаимодействия с застройщиком, муниципалитетом и комитетами городского правительства, считают, что проблемы района должен решать некий обобщенный властный орган: чаще всего его называют «город» или «власть», реже упоминают конкретные должности — «глава района», «муниципальные депутаты»¹². Жители «Северной долины» не уникальны

---

12. При этом характер проблем зачастую не сходится с полномочиями называемых органов.

в своих представлениях о «власти»: аналогичную риторику можно найти в случаях оспаривания локальных городских территорий горожанами (Тыканова и др., 2024).

Примечательно, что, какая бы степень вовлеченности в управление районом ни была у жителей, ответственность за решение проблем жилого комплекса они описывают по единой формуле, которую можно представить так:

«Власти должны делать X, но и жители со своей стороны должны делать Y».

Наборы действий X и Y, однако, имеют свою специфику у разных групп жителей. В группе условных «активистов» эта формула может принимать следующее значение: застройщик должен решить проблему нехватки парковочных мест, но и собственники квартир, со своей стороны, должны заставить застройщика эту проблему решать. В этом примере есть четко обозначенные ответственные, между которыми возникает отношение контроля: жители предстают мобилизаторами процессов решения проблем, их зона ответственности ограничивается тем, чтобы защищать свои интересы, требовать и добиваться: *«Кто [проблемы] должен решить? Известно, кто — люди (т. е. жители района. — Прим. авт.). <...> Больше никто не будет решать, всем остальным по барабану»* (ФГ 1, собственница, член Совета дома).

Те, кто не имел опыта взаимодействия с органами власти, акценты расставляли противоположным образом. Их формула решения проблемы парковки могла бы звучать так: абстрактные «власти» должны решать проблему недостатка парковочных мест, но и люди, со своей стороны, должны сообщить о проблеме. Абстрактная «городская власть» обладает ресурсами и возможностями, по мнению жителей, но не заботится о «Северной долине» должным образом. В такой ситуации жители, которые нужными ресурсами не обладают, могут становиться лишь «советчиками», «помощниками» этой абстрактной власти, передавая информацию о своих потребностях и запросах: *«Наше дело — так может быть где-то подсказать [властям]»* (ФГ 3, собственница).

Другой вариант состоит в том, чтобы решать масштабные проблемы на самом низовом уровне доступными средствами: «власти» должны решать проблему недостатка парковочных мест, но и жители, со своей стороны, должны научиться парковаться так, чтобы всем хватало места. Следуя этой формуле в иных сферах соседской жизни, жители видят свою роль, например, в проведении субботников, в озеленении района, а также в (само)контроле того, как пользоваться пространством и инфраструктурами. Иными словами, все жители района должны осуществлять управление, «начав с себя» и не «проходя мимо» нарушений порядка, то есть контролируя, как они сами и их соседи выбрасывают мусор, выгуливают собак и паркуют автомобили: *«Конечно, должна работать система, не мы должны сами лично [решать проблемы], хотя и это правильно, когда мы пойдём и уберём за своей собакой»* (ФГ 4, арендатор). Обсуждая проблему парковки, участники фокус-групп сначала называют виновного в ее возникновении (застройщика), затем не могут точно определить ответственного за решение и переводят дискуссию

в плоскость решения, в котором на низовом уровне поведения проблему должны решать автовладельцы, а контроль за этим поведением должен быть «системным», то есть исходить от обобщенного «государства»: *«[для решения проблемы нужны] какие-то совместные усилия застройщика и властей. Ну, и мне кажется, если мы говорим про те же автомобили, то люди тоже должны думать, куда и как они будут парковать свою машину перед тем, как купить эту машину»* (ФГ 4, арендатор).

Таким образом, в представлениях о структуре управления территорий, характерных для большинства участников, существенная роль в решении проблем отведена локальному сообществу. Главная обязанность жителя заключается в том, чтобы *«быть неравнодушным»*, то есть осознавать собственную ответственность за происходящее в районе и вкладывать силы в поддержание и улучшение его состояния.

«Силовое соседство»: респонсификация в практиках соседей по жилому комплексу

На практике «неравнодушие» жителей реализуется как офлайн — например, в замечаниях друг другу на улице, так и на онлайн-странице соседства «Северной долины» во «ВКонтакте»¹³, той самой, на которой появился шуточный образ «Шерифа-вершителя-справедливости». Сообщения, появляющиеся на онлайн-страницах соседства, с одной стороны, производят репрессивную респонсификацию (Houdt, Schinkel, 2014), обвиняя других в несоблюдении правил совместной соседской жизни: осуждают тех, кому «наплевать на район/дом», кто «свинячит». Спектр уличающих высказываний варьируется от легкого негодования и попыток заставить человека совеститься (*«Если не сложно, огласите название вашей автошколы, чтобы им стало стыдно за своего ученика»*¹⁴) до откровенных угроз, призывов к силовым методам воздействия на соседей и даже отчетов об уже приведенной к исполнению каре: *«Узнаем из какой Вы квартиры (а это обязательно случится), будем Ваш мусор вываливать прямо перед Вашей дверью. Может так поймете?»*.

Подобные высказывания — шейминг — можно понимать по-разному. Это и медиированные онлайн-платформой инструменты социального контроля (Ogaves, 2020), и дискурсивная работа по демаркации приемлемого и неприемлемого (Bourdieu, 1965), и практика, которая провоцирует телесный дискомфорт, производя одновременно идентичности тех, кто вовлечен в ситуацию (McBrien, 2021). Однако высказывания соседей не только проводят границу «нормального» и «нарушенного», не только демонстрируют коллективный социальный контроль

13. Подробнее об этой странице см. (Чернышева, Гизатуллина, 2021).

14. В этом разделе здесь и далее представлены комментарии жителей «Северной долины», оставленные ими на онлайн-странице соседства во «ВКонтакте». Авторская орфография и пунктуация сохранены.

и создают идентичности «хороших» и «плохих» соседей, «пострадавших» и «виновных» — они одновременно производят всех жителей района как «ответственных», указывая на связь действий «нарушителей» с благополучием района, на персональную и коллективную ответственность за ту или иную версию будущего. Такую радикальную эмоционально насыщенную¹⁵ версию респонсификации и реакции на действия соседей, воспринимаемые как разрушительные, я предлагаю называть «силовым соседством». Оно выходит за рамки распределения ответственности, определения виновных и выдвижения дисциплинирующих требований, адресуемых соседям. «Силовое соседство» основано на идее возможного применения силы для наказания, осуществляемого представителями сообщества, а не государственными институтами, но при этом легитимного и направленного на достижение справедливости во имя создания общего блага. «Силовой» характер в этом случае можно трактовать широко — от непосредственного физического воздействия на имущество до публикации персональной информации о соседях в духе «доски позора». Так, в ходе дискуссий на онлайн-страницах соседства жители в порядке обычного обсуждения предлагают жестокие формы расправы с теми, кто ведет себя «неподобающе». Среди них не просто яркие эмоциональные высказывания в адрес «нарушителей», не являющиеся реальным призывом к насилию («по мне так лучше бы велосипедистов на кол сажали за то, что с велика не слезают когда пешеходный переход переходят»), но и практические советы: «Запеньте им дверь и замок». Опубликованные пострадавшими от «силового соседства» фотографии разбитых о входную дверь квартиры яиц с сопроводительной запиской «угомоните своих долбанных детей!» или поцарапанных дверей автомобиля сообщают реальным и потенциальным «нарушителям», что подобные сообщения — это не шутки, пустые угрозы или типичная для интернет-споров агрессия, а «предупредительный в воздух», как характеризует свое сообщение один из жильцов.

С другой стороны, онлайн-страницы становятся местом артикуляции того, как быть «хорошим соседом», то есть производят фасилитирующую респонсификацию (согласно типологии в: Houdt, Schinkel, 2014). Она выражается в требованиях, предъявляемых другим жильцам: «быть сознательным», «проявлять инициативу», «содержать в порядке», «не быть безразличным», «проявлять активность» и «относиться ответственно». Неоднократно встречаются упоминания того, что жители берут на себя ответственность за «нарушения» своих соседей («Здесь так в каждом подъезде, к сожалению. Сам временами выхожу на уборку, по другому не помогает») и даже требуют подобного от других, совмещая репрессивную и фасилитирующую мобилизации: «парадная это общественное место для жильцов; если бы

---

15. Эмоциональность высказываний в рамках «силового соседства» резонирует с тем, какую роль эмоции играют в политической борьбе и защите общих ресурсов, осуществляемой социальными движениями или группами активистов: разделяемые эмоции позволяют формировать общность (being-in-common) (González-Hidalgo, 2021; см. также: Goodwin et al., 2001).

было на моем этаже — я бы не поленилась убрать и поговорить с соседями; а Вы как понимаю равнодушно бы смотрели на крыс и мусор».

Две формы респонсификации — фасилитирующая и репрессивная — на практике идут рука об руку, и их различие условно. В призывах к чистоте или правильной парковке содержится одновременно оценка действий, нарушающих порядок. В этом смысле «силовое соседство» не ограничивается только призывами к наказанию или фактической реализацией наказания: оно, скорее, реализуется в сочетании обеих форм респонсификации, происходящих с высоким эмоциональным накалом.

Лучше всего это сочетание видно в обсуждении будущего района и ответственности отдельных людей за то, каким это будущее предстанет. Так, навязанный урбанистами образ потенциального «гетто», в которое неминуемо превратится «Северная долина» (см. подробнее: Чернышева, 2019), становится частью аргумента, который используют в рамках респонсификации. «Безответственное» отношение к пространству района, отсутствие «бдительности» приводит к наступлению «гетто»:

«Установка ларьков незаконна и, как следствие, предпринимательская деятельность в них так же незаконна. <...> Терпимость к правонарушениям ведет только к их увеличению. <...> Зачем нам портить район? Вот Вы лично хотите, чтобы Вас встретили у подъезда с ножом? <...> Проблема в том, что испортив район, превратив его в гетто, обратно его не исправишь».

Аналогичным образом одна из жительниц комментирует фотографию автомобиля, запаркованного на тротуаре среди неубранного снега и льда:

«<...> безнаказанность порождает большие проблемы. Я в положении, с огромным пузом, должна обходить его [запаркованный на тротуаре автомобиль] по горам льда. А если подскользнусь и упаду там, он [водитель] будет отвечать или коммунальные службы? Только я буду отвечать перед собой. <...> Почему мой муж паркуется нормально и не мешает прохождению людей и проезду транспорта? Почему я убираю гавно за собаками, а сосед имеет право выкидывать мусор в окно? Ну давайте теперь все будем делать кто что хочет и район превратится в гетто».

В этом комментарии ответственность возлагается не на управляющую компанию, производящую уборку на территории, не на сотрудников ГИБДД, которые не следят за парковкой, и не на застройщика, не рассчитавшего реальную потребность в парковочных местах, а исключительно на автомобилиста¹⁶. Через перечисление примеров поведения в рамках соседской жизни автор показывает, насколько весомую роль действия отдельных жителей играют в том, какое будущее ждет

---

16. Попытки оправдать неправильную парковку могут содержать перевод ответственности на иных субъектов: «Но двор устроен как говно, тут нет парковки для всех, нет у нас таких гостей, пусть люди выкручиваются как хотят». Однако подобные комментарии оспариваются другими суждениями соседей о том, что даже в такой ситуации плохой планировки двора отдельные люди могут вести себя «подобающе»: парковаться дальше от дома, арендовать место в платном паркинге или даже отказаться от пользования автомобилем.

район — станет он деградирующим «гетто» или комфортным для всего локального сообщества домом.

Понятие «силовое соседство» предстает своеобразным противовесом «добрососедству» — формату соседских отношений, «который отсылает к образу классического сообщества и контрастирует со ставшими нормой отчужденностью и дистанцированием» (Богданова и др., 2021: 157). Добрососедство заложено в программы социальной политики, призванные уменьшить нагрузку на социальное обеспечение: заданное «сверху» в рамках социальной политики, оно всегда несет в себе позитивный образ совместной жизни людей¹⁷. В «Северной долине», где респонсификация задается не «сверху», в рамках целенаправленной политики, но практикуется «снизу», на место добрососедства приходит «силовое соседство», которое несет в себе эмоциональный шейминг, угрозы и даже их реализацию для достижения мгновенной справедливости.

«Локальное» гражданство в «Северной долине»

Как отмечают Ф. В. Хаудт и В. Шинкель (Houdt, Schinkel, 2014), наравне с респонсификацией ключевым элементом нелиберального коммунитаризма является «активное гражданство», то есть вовлеченность граждан в достижение общих для них и государства целей через кооперацию с государством, а также принятие гражданами ответственности за результаты их участия. В действиях и риторике жителей «Северной долины» также можно увидеть проявление гражданства, однако понятого несколько иначе, нежели взаимные обязательства человека и государства. Традиция исследования «городского гражданства» помогает лучше схватить происходящее в «Северной долине».

Городское гражданство — это не правовой статус, а возможности социального и политического участия (Purcell, 2003), причем «городское» измерение характеризует не столько локацию, сколько специфические социополитические и институциональные конфигурации, в которых гражданство проявляется (Blokland et al., 2015). Городское гражданство связывает действия отдельных людей или коллективов, направленных на координацию совместной жизни в городе (Holston, 2009): так, оно проявляется в том, что горожане борются за инфраструктуры (Holston, 2009) или создают городское благо в повседневных поездках на велосипеде и разделении мусора (Головнёва, Чернышева, 2017). Городское гражданство проявляют мигранты, предъявляющие требования к городским властям (Uitermark et al., 2005) или стремящиеся получить статус «инсайдера» в местном сообществе (Pine, 2010), но также и жители, защищающие свои районы от наплыва «чужаков» (Yiftachel, 2015) — мигрантов или новоселов.

Разделение на «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих» — не редкость для крупных жилищных проектов и городских соседств. Этнические, религиозные,

---

17. См. обзор в: Богданова и др., 2021.

классовые и другие различия между соседями создают основу для конструирования «других» (Blokland, 2003; Nieuwenhuis et al., 2013; Davidson, 2010), выделяющего категории людей, которым «не место» в конкретном жилом районе, поскольку они нарушают физический и моральный порядок (Stokoe, Wallwork, 2003). Опыт проживания также работает на производство идентичности «правильных» соседей, «настоящих» жителей района в противовес новоселам, мобилизуя ностальгию по «старым добрым» временам (Kasinitz, Hillyard, 1995).

Понятие городского гражданства в такой ситуации помогает схватить выделение фрагментированных групп, выражающих собственные интересы и отстраивающих себя от «других», которые предстают угрозой благополучию (Yiftachel, 2015). Подчеркну, что городское гражданство в этом случае принципиально отличается от гражданства, каким оно предстает у Хаудта и Шинкеля в их описании неолиберального коммунитаризма (Houdt, Schinkel, 2014). Форму городского гражданства, характерную для «Северной долины» и аналогичных соседств, можно охарактеризовать как *локальное гражданство*, связанное с обществом одного района, нацеленное на создание общего блага в конкретной городской локации.

Локальное гражданство проявляется в попытках артикулировать ответственность за «будущее района». Во-первых, ответственность и обязательства, о которых говорят жители, ориентированы на поддержание «района» — за этим словом скрывается как раз сообщество, выигрывающее от «правильного» использования общих ресурсов и проигрывающее от того, что отдельные люди ведут себя «разрушительно» и тем самым приближают наступление деградации территории. Это особенно четко проявляется в попытках риторически провести границу между «адекватными» соседями и «свиньями», поведение и суждения которых не соответствуют «уровню» района, его «культуре» и не способствует поддержанию общего блага: *«Клопов и тараканов привозят жильцы в вещах и мебели. Они сами из бетонных стен не появляются. Просто есть категория “людей-свиней”, для которых это норма. Это примерно как выкидывать хабарики в окна или выставлять мусор перед дверью на ночь»*. Тем, кто ведет себя «неподобающе», отказывают в принятии в сообщество, считают их чужаками; те, кто усвоил «правила» района, становятся «своими»: *«Мы как раз очень бдительны, и знаем всех своих соседей на этаже, даже целый аул узбеков дисциплинировали, научили за собой убирать, и ответственно относится к общему имуществу»*.

Исключение и стигматизация особенно четко проявляются по линии «собственник-арендатор»: считается, что проблемы района часто связаны с большим количеством арендаторов¹⁸, у которых *«ни родины, ни флага»*, которые *«относятся к своему временному жилью “не мое и наплевать на всё”*». В результате дома с большим числом арендаторов становятся менее привлекательными, в них не со-

18. Согласно данным застройщика, в 2019 году арендаторы составляли 20% жителей. Похожие данные приводят авторы статьи (Тыканова, Тенишева, 2020): согласно их исследованию, в «Северной долине» 25% арендаторов.

ветуют покупать квартиры, а любой арендатор вне зависимости от действительной степени вовлеченности в соседские коллективные инициативы по улучшению района попадает в категорию «*временщики*» — *им всё глубоко фиолетово, они вечно жить тут не собираются*. На практике же, как показывают интервью и фокус-группы с арендаторами, среди таких жителей, как и среди собственников, есть люди с разным отношением к «Северной долине», а достаточно частым сценарием участников исследования было приобретение квартиры в этом районе после нескольких лет аренды.

Переводя масштаб с городского на локальный, районный, можно обнаружить, что в жилом комплексе происходит формирование гражданства, основанного на участии в поддержании района в благополучном состоянии. Мобилизация локального сообщества в «Северной долине», таким образом, как и в модельном случае неолиберального коммунитаризма, опирается на понятие «активного гражданства», которое связывает индивидуальную ответственность и благополучие сообщества — в данном случае локального.

Заключение: неолиберальный коммунитаризм и «силовое соседство»

Является ли новое жилищное строительство в России примером неолиберального коммунитаризма — государственной стратегии, которая сочетает акцент на персональной ответственности горожан за свое благополучие, активацию гражданства, идею ценности сообщества, морализаторство и выборочное вмешательство государства, встающего на защиту этого сообщества?

Чтобы разобраться в этом вопросе, я изучала, как устроено управление новым жилым комплексом «Северная долина», строящимся с 2009 года в Петербурге по программе комплексного освоения территорий. В отличие от авторов, исследовавших неолиберальный коммунитаризм в других странах, я рассматривала не только риторику государства и существующие программы, связанные с жилищной политикой, но также сделала акцент на том, как жители нового района воспринимают структуру управления территорией ЖК и какую роль в распределении ответственности за возникающие проблемы и их решение отводят разным агентам, включая самих себя. Исследуя «Северную долину», я получила картину того, как практикуется «реально существующий» неолиберальный коммунитаризм в российской жилищной сфере — аналогично разнообразию «реально существующих неолиберализмов» в разных странах, в «Северной долине» он имеет свои особенности.

Я показала, как в жилищной политике России проявляются черты «неолиберализма в советском духе» (Nemment, 2009): с одной стороны, государство инициирует программу массового строительства с целью предоставить много доступного жилья горожанам и позаботиться о них, с другой стороны, несмотря на риторическую и материально-планировочную форму, повторяющую советский жилищный проект, способы реализации новой программы по своей сути являются неолибе-

ральными. Крупная частная компания получила в долгосрочную аренду большой участок земли под застройку и продажу жилья, обосновав специфическую форму управления застроенной территорией, в рамках которой собственники квартир не могут до конца реализовывать свои права на самоуправление, а городская администрация формально не может вмешаться в обеспечение новых жителей социальными благами (или не имеет на то политической воли). В результате десятки тысяч жителей района живут в условиях, когда их налоги не могут быть потрачены на обслуживание территории их проживания, обещанная социальная инфраструктура возводится с существенной задержкой, а доступ к полиции и другим службам также ограничен.

С другой стороны, в отличие от описанных особенностей неолиберального коммунитаризма в других странах, риторика государства в России не артикулирует необходимость мобилизации локальных сообществ для самостоятельного решения проблем новой жилой застройки. Однако можно наблюдать, как подобную риторику воспроизводят представители медиа и урбанисты, предрекающие «Северной долине» деградацию в силу неправильной материальной формы района и атомизации жителей. Необходимость участия локального сообщества в управлении районом читается сквозь эту критику. Жители «Северной долины», даже незнакомые с подобными высказываниями, воспроизводят похожие суждения о том, кто и как должен решать проблемы района — неолиберальная риторика респонсификации, таким образом, исходит не от государства, а «снизу», от жителей к жителям.

Для жителей, более вовлеченных в процедуры и процессы жилищного самоуправления (в первую очередь — членов советов домов), характерны практики, направленные на мобилизацию уже существующих институтов и агентов управления территорией (управляющей компании, застройщика, властей различных уровней). Для большинства же — то есть для тех, кому не ясно, как подступить к решению проблемы, куда обращаться и как налаживать системное функционирование жизни района, привлекая институты, — распространение получают практики самоконтроля и контроля за соблюдением порядка вокруг. Так, жителю может быть непонятно, как обеспечить регулирование парковки «сверху», зато понятно, как можно использовать онлайн-группу соседства на платформе «ВКонтакте», стикеры-записки на лобовом стекле или царапины на капоте для того, чтобы призвать соседей не парковаться на тротуаре. Регулирование парковки во дворах и на улицах, находящееся формально в зоне ответственности ГИБДД и ГАТИ, перекладывается на пользователей этой парковки, которые подвергаются респонсификации двух типов. Репрессивная респонсификация со стороны соседей обвиняет самих жителей в возникшей ситуации, когда на территории ЖК все свободное пространство превращается в парковку и возникают препятствия для перемещения пешеходов или проезда пожарной машины. Фасилитирующая респонсификация стимулирует жителей бороться с нарушениями — например, с теми, кто паркуется неправильно. В своей радикальной форме респонсифика-

ция переходит в практики «силового соседства», которые медиированы цифровыми платформами, однако порой переходят в плоскость физических действий и порчи имущества — фактически они являются силой принуждения к «правильным» способам жить в «Северной долине».

В обоих случаях респонсификацию проводит не государство, а сами жители. Оказавшись частью неолиберальной машины, жители района сами наделяют себя и окружающих ответственностью за судьбу жилого комплекса и устанавливают неолиберальный коммунитаризм «снизу». В этом процессе происходит мобилизация гражданства, однако не национального, а локального, районного гражданства, являющегося разновидностью городского гражданства и устанавливающего связь жителей и сообщества, на благо которого они направляют свои усилия. Это гражданство проводит границу между «своим» и «чужим», или «хорошим» и «плохим» соседом, порождая стигматизацию и конфликты. *«Если вам не нравится Парнас — уезжайте, не нравится страна — уезжайте! Не нравится мусор и «собачья радость» под ногами — не мусорите и убирайте!»* — в этом емком комментарии на онлайн-странице соседства хорошо видно, что мобилизация локального сообщества в «Северной долине» опирается на практики локального гражданства, устанавливающие связь между индивидуальными действиями жителей района и благополучием сообщества и границы этого сообщества. Перефразируя, можно сказать, что жителям предлагается всего две опции: «убирайте или убирайтесь».

Вернемся к воображаемому «Шерифу», с истории о котором началась эта статья. Его фигура хорошо отражает локальную форму неолиберального коммунитаризма в «Северной долине», в которой респонсификация исходит от сообщества, а не «сверху», от государства. «Шериф» — это не активист, который олицетворяет идею борьбы с застройщиком: он не требует от государства обеспечивать горожан социальными благами. Это и не представитель государства, не *«хилый участковый с огурцом в кабуре и папочкой для бумаг подмышкой»*. «Шериф» — это собирательный образ «силового соседства», который переводит риторику репрессивной респонсификации в непосредственные легитимные акты решения проблем — пресечение «неподобающего» поведения жителей района. В «Северной долине» трудно мобилизовать право (или как минимум мобилизация представляется неэффективной) и добиться справедливости. «Шериф» же легитимирует практики «силового соседства», символизируя эффективный, по мнению жителей, инструмент управления, способный внушить соседу, насколько его роль в поддержании общего блага и индивидуального комфорта важна там, где так мало формальных рычагов управления и контроля. Но пока «Шерифа» не существует в действительности, единственное, что доступно жителям — это ограниченное использование институтов самоуправления, отдельные несистематические анонимные акты «силового соседства», а также социальный контроль и респонсификация с задействованием цифровой площадки для соседских обсуждений, где происходит опубличивание и о(б)суждение событий соседской жизни.

Список использованных в тексте материалов

Материалы фокус-групп:

ФГ 1: фокус-группа с жителями «Северной долины», вовлеченными в работу Советов домов

ФГ 2: фокус-группа с жителями «Северной долины», собственники, 20-59 лет

ФГ 3: фокус-группа с жителями «Северной долины», собственники, старше 60 лет

ФГ 4: фокус-группа с жителями «Северной долины», арендаторы, 20-59 лет

Информанты, интервью с которыми упомянуты в тексте:

Эксперт, директор консалтингового бюро в сфере недвижимости в Санкт-Петербурге,

Эксперт, экс-заместитель председателя Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга

Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 1431 (проект планировки территории ЖК «Северная долина»)

Литература

- Бессонова О. (2011). Жилищный раздаток и модернизация России. АНО «Издательство “Политическая энциклопедия”».
- Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. (2021). Как понимать и как исследовать соседство? // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. № 2. С. 139-171.
- Бычкова О. В., Попова Е. (2013). Вещи и люди в жилищно-коммунальном секторе России, 1991-2006 годы // *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica* / О. Хархордин, Р. Алапура, О. Бычкова (ред.). СПб.: ЕУСПб. С. 147-246.
- Головнёва А. В. и Чернышева Л. А. (2017). Пластик, велосипеды и городские гражданства: два случая реорганизации инфраструктуры в Санкт-Петербурге // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 20. № 3. С. 7-31.
- Делленбо-Лоссе М., Циммерманн Н., де Врис Н. (2021). Городские совместности: книга рецептов: стратегии и идеи для создания и поддержания городских совместностей. СПб.: Проектная группа 8.
- Кузнецов С. А., Лукичев А. Н., Шомина Е. С. (2021). Настольная книга менеджера местного сообщества: теория и практика / Под общ. ред. Е. С. Шоминой. М.: БукиВеди.
- Макарова К. (2010). Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // *Неприкосновенный запас*. Т. 70. № 2. С. 279-296.
- Матвеев И. А. (2015). Гибридная неолиберализация: Государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. Т. 79. № 4. С. 25-47.
- Тыканова Е. В., Тенишева К. А. (2020). В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 23. № 2. С. 7-35.

- Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. (2024). Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 90-119.
- Хан Д. К., Имамаса Х. (2020). Преодолевая частную застройку Южной Кореи: взгляд сквозь оптику «совместностей» и «общего» // Urban commons. Городская совместность: за пределами государства и рынка / М. Делленбо, М. Кип, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швэгман (ред.). М.: Новое литературное обозрение. С. 122-134.
- Харви Д. (2007). Краткая история неолиберализма. М.: Поколение.
- Челнокова В. М., Гуревич А. Б. (2017). Анализ проблем организации комплексного освоения территорий // Вестник гражданских инженеров. № 1. С. 161-166.
- Чернышева Л. А. (2019). Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 37-58.
- Чернышева Л. А. (2020). Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 2. С. 36-66.
- Чернышева Л., Гизатуллина Э. (2021). «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: Russian Review of Social Research. Т. 13. № 2. С. 187-220.
- Attwood L. (2012). Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? // Europe-Asia Studies, Vol. 64. № 5. P. 903-928.
- Birk R. H. (2017). Making responsible residents: On “responsibilization” within local community work in marginalized residential areas in Denmark // The Sociological Review. Vol. 66. № 3. P. 608-622.
- Bissenova A. (2012). Post-socialist dreamworlds: housing boom and urban development in Kazakhstan. PhD Thesis. Cornell University.
- Blokland T. (2003). Ethnic complexity: routes to discriminatory repertoires in an inner-city neighbourhood // Ethnic and Racial Studies Vol. 26. № 1. P. 1-24.
- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015). Urban citizenship and right to the city: the fragmentation of claims // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 39. № 4. P. 655-665.
- Bourdieu P. (1965). The Sentiment of Honour in Kabyle Society // Honor and Shame: The Values of Mediterranean Society / Jean G. Peristiany (ed.). London: Weidenfeld and Nicolson. P. 191-242.
- Brenner N., Theodore N. (2002). Cities and the geographies of “actually existing neoliberalism” // Antipode. Vol. 34. № 3. P. 349-379.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017). The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992-2015 // Antipode. Vol. 49. № 2. P. 294-313.
- Candan A. B., Kolluoğlu B. (2008). Emerging spaces of neoliberalism: A gated town and a public housing project in Istanbul // New perspectives on Turkey. Vol. 39. P. 5-46.
- Castells M. (1983). The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements. London: Edward Arnold.

- Cook L. J.* (2011). Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism // *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries* / M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 14-35.
- Davidson M.* (2010). Love thy neighbour? Social mixing in London's gentrification frontiers // *Environment and Planning A*. Vol. 42. № 3. P. 524-544.
- Dean M.* (1999). *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*. Los Angeles: Sage.
- Dominelli L.* (2013). Mind the gap: Built infrastructures, sustainable caring relations, and resilient communities in extreme weather events // *Australian Social Work*. Vol. 66. № 2. P. 204-217.
- Fields D.* (2015). Contesting the financialization of urban space: Community organizations and the struggle to preserve affordable rental housing in New York City // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 37. № 2. P. 144-165.
- Golubchikov O.* (2004). Urban planning in Russia: towards the market // *European Planning Studies*. Vol. 12. № 2. P. 229-247.
- González-Hidalgo M.* (2021). The ambivalent political work of emotions in the defence of territory, life and the commons // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 4. P. 1291-1312.
- Goodwin J., Jasper J. M., Polletta F.* (Eds.). (2001). *Passionate politics: Emotions and social movements*. University of Chicago Press.
- Gualini E., Majoor S.* (2007). Innovative practices in large urban development projects: Conflicting frames in the quest for "new urbanity" // *Planning Theory & Practice*. Vol. 8. № 3. P. 297-318.
- Hemment J.* (2009). Soviet-style neoliberalism? Nashi, youth voluntarism, and the restructuring of social welfare in Russia // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. № 6. P. 36-50.
- Hidalgo Dattwyler R., Santana Rivas L. D., Link F.* (2018). New neoliberal public housing policies: between centrality discourse and peripheralization practices in Santiago, Chile // *Housing Studies*. Vol. 34. № 3. P. 489-518.
- Holston J.* (2009). Insurgent citizenship in an era of global urban peripheries // *City & Society*. Vol. 21. № 2. P. 245-267.
- Houdt F. V., Schinkel W.* (2014). Crime, citizenship and community: Neoliberal communitarian images of governmentality // *The Sociological Review*. Vol. 62. № 1. P. 47-67.
- Iveson K.* (2013). Cities within the city: Do-it-yourself urbanism and the right to the city // *International journal of urban and regional research*. Vol. 37. № 3. P. 941-956.
- Kasinitz P., Hillyard D.* (1995). The Old-Timers' Tale: The Politics of Nostalgia on the Waterfront // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 24. № 2. P. 139-164.
- Kulmala M., Kainu M., Nikula J., Kivinen M.* (2014). Paradoxes of agency: Democracy and welfare in Russia // *Demokratizatsiya*. Vol. 22. № 4. P. 523-552.
- Majerowitz M., Allweil Y.* (2019). Housing in the neoliberal city: Large urban developments and the role of architecture // *Urban Planning*. Vol. 4. № 4. P. 43-61.
- Matveev I., Novkunskaya A.* (2020). Welfare Restructuring in Russia since 2012: National Trends and Evidence from the Regions // *Europe-Asia Studies*, Vol. 74. № 1. P. 50-71.

- McBrien J.* (2021). On shame: The efficacy of exclaiming uiat! in Kyrgyzstan // *American Ethnologist*. Vol. 48. № 4. P. 462-473.
- Miller P., Rose N.* (2008). *Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life*. Cambridge: Polity Press.
- Oravec J. A.* (2020). Online social shaming and the moralistic imagination: The emergence of Internet-based performative shaming // *Policy & Internet*. Vol. 12. № 3. P. 290-310.
- Patton M. J.* (2009). The Synergy between Neoliberalism and Communitarianism: "Erdogan's Third Way" // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. Vol. 29. № 3. P. 438-449.
- Peck J.* (2010). *Constructions of neoliberal reason*. Oxford: OUP.
- Pine A. M.* (2010). The performativity of urban citizenship // *Environment and Planning A*. Vol. 42. № 5. P. 1103-1120.
- Purcell M.* (2003). Citizenship and the right to the global city: reimagining the capitalist world order // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 27. № 3. P. 564-590.
- Puzanov A.* (2018). *Russia: A Long Road to Institutionalisation* // *Private Rental Housing in Transition Countries* / J. Hegedüs, M. Lux, V. Horváth (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 287-309.
- Pyysiäinen J., Halpin D., Guilfoyle A.* (2017). Neoliberal governance and 'responsibilization' of agents: reassessing the mechanisms of responsibility-shift in neoliberal discursive environments // *Distinktion: Journal of Social Theory*. Vol. 18. № 2. P. 215-235.
- Romanov P.* (2008). Quality evaluation in social services: Challenges for new public management in Russia // *Mixes, matches, and mistakes: New public management in Russia and the Former Soviet republics* / B. G. Peters (ed.). Local Government and Public Service Reform Initiative, Open Society Institute. P. 9-53.
- Salet W.* (2008). Rethinking urban projects: experiences in Europe // *Urban Studies*. Vol. 45. № 11. P. 2343-2363.
- Stephens M., Lux M., Sunega P.* (2015). Post-socialist housing systems in Europe: Housing welfare regimes by default? // *Housing studies*. Vol. 30. № 8. P. 1210-1234.
- Stokoe E. H., Wallwork J.* (2003). Space invaders: The moral-spatial order in neighbour dispute discourse // *British journal of social psychology*. Vol. 42. № 4. P. 551-569.
- Uitermark J., Rossi U., Van Houtum H.* (2005). Reinventing multiculturalism: urban citizenship and the negotiation of ethnic diversity in Amsterdam // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. № 3. P. 622-640.
- Yiftachel O.* (2015). Epilogue — from 'Gray Space' to Equal 'Metrozenship'? Reflections On Urban Citizenship // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 39. № 4. P. 726-737.
- Zavisca J.* (2012). *Housing the New Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Zunino H. M., Hidalgo R.* (2009). Spatial and socioeconomic effects of social housing policies implemented in neoliberal Chile: the case of Valparaiso // *Urban Geography*. Vol. 30. № 5. P. 514-542.

«Clean Off or Get Out». (Self)Governance, Community and Citizenship in New Large Housing Estates in Russian Cities

Liubov Chernysheva

Candidate of Science (Sociology), PhD Candidate, Amsterdam Institute for Social Science Research (University of Amsterdam).

Address: Postbus 15718, Amsterdam, Netherlands 1001

E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

The article presents an analysis of the (self)management of the newly constructed large housing estate “Severnaya Dolina” (St. Petersburg, Russia). Built within the neoliberalization of Russian housing policy, this housing estate is an urban space where intervention and control by the state is limited, the provision of social goods is partially shifted to a private development company that manages the territory, and social control is mostly exercised by residents. I analyze this situation as an example of neoliberal communitarianism, or a governance model based on community mobilization, responsabilization of citizens, and an emphasis on the notion of “active citizenship”. In contrast to existing approaches to the analysis of neoliberal communitarianism and responsabilization as programs initiated by governments, I consider its «real existence» in the practices of the inhabitants of the new LHE. Referring to the materials of the focus groups conducted, as well as the analysis of the online communication of the residents of “Severnaya Dolina”, I demonstrate, firstly, what ideas they have formed about the management of the territory of the district, focusing on the distribution of responsibility for solving problems and especially the role that the residents assign to themselves. Secondly, I demonstrate how elements of neoliberal communitarianism are manifested: these are practices of management arising beyond the state, as well as responsabilization of the residents and the formation of a version of urban citizenship. To describe these elements (not provided top-down within a state/city campaign but deriving down-up from the local practice), I propose the notion of “violent neighborliness,” which reflects the radical form of responsabilization that residents exercise towards each other, as well as the concept of local urban citizenship, which captures the connection between the inhabitants of the “Severnaya Dolina”, local community, and territory.

Keywords: self-governance, new LHE, housing policy, community, urban citizenship, responsabilization, neoliberal communitarianism

References

- Attwood L. (2012) Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no 5, pp. 903-928.
- Bessonova O. (2011) *Zhilishhnyj razdatok i modernizacija Rossii* [Housing distribution and modernization of Russia], ANO “Izdatel’stvo “Politicheskaja jenciklopedija”.
- Birk R. H. (2017) Making responsible residents: On “responsibilization” within local community work in marginalized residential areas in Denmark. *The Sociological Review*, vol. 66, no 3, p. 608-622.
- Bissenova A. (2012) *Post-socialist dreamworlds: housing boom and urban development in Kazakhstan* (PhD Thesis), Cornell University.
- Blokland T. (2003) Ethnic complexity: routes to discriminatory repertoires in an inner-city neighbourhood. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 26, no 1, pp. 1-24.

- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015) Urban citizenship and right to the city: the fragmentation of claims. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 4, pp. 655-665.
- Bogdanova E., Brednikova O., Zaporozhets O. (2021) Kak ponimat' i kak issledovat' sosebstvo? [How to understand and how to explore the neighborhood?]. *Laboratorium*, no 2, pp. 139-171.
- Bourdieu P. (1965) *The Sentiment of Honour in Kabyle Society. Honor and Shame: The Values of Mediterranean Society* (ed. J. G. Peristiany), London: Weidenfeld and Nicolson, pp. 191-242.
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the geographies of "actually existing neoliberalism". *Antipode*, vol. 34, no 3, pp. 349-379.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992-2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294-313.
- Bychkova O. V., Popova E. (2013). Veshhi i ljudi v zhilishhno-kommunal'nom sektore Rossii, 1991-2006 gody [Things and people in the housing and communal sector of Russia, 1991-2006] (O. Harhordin, R. Alapuro, O. Bychkova (red.)). *Infrastruktura svobody: obshhie veshhi i res publica [Infrastructure of freedom: common things and res publica]*, Sankt-Petersburg: EUSP, pp. 147-246.
- Candan A. B., Kolluoğlu B. (2008) Emerging spaces of neoliberalism: A gated town and a public housing project in Istanbul. *New perspectives on Turkey*, vol. 39, pp. 5-46.
- Castells M. (1983) *The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements*, London: Edward Arnold.
- Chelnokova V. M., Gurevich A. B. (2017) Analiz problem organizacii kompleksnogo osvoeniya territorij [Analysis of the problems of organizing the integrated development of territories]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, no 1, pp. 161-166.
- Chernysheva L. (2019) Rossijskoe getto: voobrazhaemaja marginal'nost' novyh zhilyh rajonov [Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*, vol. 4, no 2, pp. 375-384.
- Chernysheva L. A. (2020) Onlayn i oflayn konflikty vokrug gorodskoy sovместnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol'shogo zhilogo kompleksa [Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 23, no 2, pp. 36-66.
- Chernysheva L. Gizatullina Je. (2021). «Vkontakte» s sosebjami: cherty i praktiki gibridnogo sosebstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga [VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 13, no 2, pp. 39-71.
- Cook L. J. (2011) *Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism. Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries* (eds. M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen), Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, pp. 14-35
- Davidson M. (2010) Love thy neighbour? Social mixing in London's gentrification frontiers. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 3, pp. 524-544.

- Dean M. (1999) *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*, Los Angeles: Sage.
- Dellenbaugh-Losse M., Zimmermann N., de Vries N. (2021) *Gorodskie sovместnosti: kniga receptov: strategii i idei dlja sozdanija i podderzhanija gorodskih sovместnostej* [Urban Connectivity: A Cookbook: Strategies and Ideas for Creating and Maintaining Urban Connectivity], Sankt-Petersburg: Proektnaja gruppa 8.
- Dominelli L. (2013) Mind the gap: Built infrastructures, sustainable caring relations, and resilient communities in extreme weather events. *Australian Social Work*, vol. 66, no 2, pp. 204-217.
- Fields D. (2015) Contesting the financialization of urban space: Community organizations and the struggle to preserve affordable rental housing in New York City. *Journal of Urban Affairs*, vol. 37, no 2, pp. 144-165.
- Golubchikov O. (2004) Urban planning in Russia: towards the market. *European Planning Studies*, vol. 12, no 2, pp. 229-247.
- González-Hidalgo M. (2021) The ambivalent political work of emotions in the defence of territory, life and the commons. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 4, pp. 1291-1312.
- Goodwin J., Jasper J. M., Polletta F. (Eds.). (2001) *Passionate politics: Emotions and social movements*, University of Chicago Press.
- Gualini E., Majoor S. (2007) Innovative practices in large urban development projects: Conflicting frames in the quest for “new urbanity”. *Planning Theory & Practice*, vol. 8, no 3, pp. 297-318.
- Halauniova A. V., Chernysheva L. A. (2017) Plastik, velosipedy i gorodskiye grazhdanstva: dva sluchaya reorganizatsii infrastruktur v Sankt-Peterburge [Plastic, bicycles and urban citizenships: two cases of urban infrastructures' reorganization in St. Petersburg]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 20, no 3, pp. 7-31.
- Han D. K., Imamasa H. (2020) Preodolevaja chastnuju zastrojku Juzhnoj Korei: vzgljad skvoz' optiku «sovместnostej» i «obshhego» [Overcoming the private development of South Korea: a look through the optics of “combinations” and “common”]. Urban commons. *Gorodskaja sovместnost': za predelami gosudarstva i rynka* (eds. M. Dellenbaugh, M. Kip, M. Bieniok, A. K. Muller), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 122-134.
- Harvey D. (2007) *Kratkaja istorija neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism], Moscow: Pokolenie.
- Hemment J. (2009) Soviet-style neoliberalism? Nashi, youth voluntarism, and the restructuring of social welfare in Russia. *Problems of Post-Communism*, vol. 56, no 6, pp. 36-50.
- Hidalgo Dattwyler R., Santana Rivas L. D., Link F. (2018) New neoliberal public housing policies: between centrality discourse and peripheralization practices in Santiago, Chile. *Housing Studies*, vol. 34, no 3, p. 489-518.
- Holston J. (2009) Insurgent citizenship in an era of global urban peripheries. *City & Society*, vol. 21, no 2, pp. 245-267.
- Houdt F. V., Schinkel W. (2014) Crime, citizenship and community: Neoliberal communitarian images of governmentality. *The Sociological Review*, vol. 62, no 1, pp. 47-67.

- Iveson K. (2013) Cities within the city: Do-it-yourself urbanism and the right to the city. *International journal of urban and regional research*, vol. 37, no 3, pp. 941-956.
- Kasinitz P., Hillyard D. (1995) The Old-Timers' Tale: The Politics of Nostalgia on the Waterfront. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 24, no 2, pp. 139-164.
- Kulmala M., Kainu M., Nikula J., Kivinen M. (2014) Paradoxes of agency: Democracy and welfare in Russia. *Demokratizatsiya*, vol. 22, no 4, pp. 523-552.
- Kuznetsov S. A., Lukichev A. N., Shomina E. S. (2021) *Nastol'naja kniga menedzhera mestnogo soobshhestva: teorija i praktika* [Handbook of the local community manager: theory and practice], Moscow: BukiVedi.
- Majerowitz M., Allweil Y. (2019) Housing in the neoliberal city: Large urban developments and the role of architecture. *Urban Planning*, vol. 4, no 4, pp. 43-61.
- Makarova K. (2010) Postindustrializm, dzhentifikacija i transformacija gorodskogo prostanstva v sovremennoj Moskve [Post-industrialism, gentrification and transformation of urban space in modern Moscow]. *Neprikosnovennyj zapas*, vol. 70, no 2, pp. 279-296.
- Matveev I. A. (2015) Gibridnaja neoliberalizacija: Gosudarstvo, legitimnost' i neoliberalizm v putinskoj Rossii [Hybrid Neoliberalization: The State, Legitimacy, and Neoliberalism in Putin's Russia]. *Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz*, vol. 79, no 4, pp. 25-47.
- Matveev I., Novkunskaya A. (2020) Welfare Restructuring in Russia since 2012: National Trends and Evidence from the Regions. *Europe-Asia Studies*, vol. 74, no 1, pp. 50-71.
- McBrien J. (2021) On shame: The efficacy of exclaiming uiat! in Kyrgyzstan. *American Ethnologist*, vol. 48, no 4, pp. 462-473.
- Miller P., Rose N. (2008) *Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life*, Cambridge: Polity Press.
- Oravec J. A. (2020) Online social shaming and the moralistic imagination: The emergence of Internet-based performative shaming. *Policy & Internet*, vol. 12, no 3, pp. 290-310.
- Patton M. J. (2009) The Synergy between Neoliberalism and Communitarianism: "Erdogan's Third Way". *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, vol. 29, no 3, pp. 438-449.
- Peck J. (2010). *Constructions of neoliberal reason*, Oxford: OUP.
- Pine A. M. (2010) The performativity of urban citizenship. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 5, pp. 1103-1120.
- Purcell M. (2003) Citizenship and the right to the global city: reimagining the capitalist world order. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 27, no 3, pp. 564-590.
- Puzanov A. (2018) Russia: A Long Road to Institutionalisation. *Private Rental Housing in Transition Countries* (eds. J. Hegedüs, M. Lux, V/ Horváth), London: Palgrave Macmillan, pp. 287-309.
- Pyysiäinen J., Halpin D., Guilfoyle A. (2017) Neoliberal governance and 'responsibilization' of agents: reassessing the mechanisms of responsibility-shift in neoliberal discursive environments. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 18, no 2, pp. 215-235.

- Romanov P. (2008) Quality evaluation in social services: Challenges for new public management in Russia. Mixes, matches, and mistakes: New public management in Russia and the Former Soviet republics (ed. B. G. Peters). *Local Government and Public Service Reform Initiative*, Open Society Institute, pp. 9-53.
- Salet W. (2008) Rethinking urban projects: experiences in Europe. *Urban Studies*, vol. 45, no 11, pp. 2343-2363.
- Stephens M., Lux M., Sunega P. (2015) Post-socialist housing systems in Europe: Housing welfare regimes by default? *Housing studies*, vol. 30, no 8, pp. 1210-1234.
- Stokoe E. H., Wallwork J. (2003) Space invaders: The moral-spatial order in neighbour dispute discourse. *British journal of social psychology*, vol. 42, no 4, pp. 551-569.
- Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2020) V plenu «jeffekta sosestva»: social'nyj kapital i aktivizm v novyh anklavnyh zhilishhnyh kompleksah [Captured by the Neighborhood Effect: Social Capital and Activism in New Enclave Housing Estates]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. 23, no 2, pp. 7-35.
- Uitermark J., Rossi U., Van Houtum H. (2005) Reinventing multiculturalism: urban citizenship and the negotiation of ethnic diversity in Amsterdam. *International journal of urban and regional research*, vol. 29, no 3, pp. 622-640.
- Yiftachel O. (2015) Epilogue — from 'Gray Space' to Equal 'Metrozenship'? Reflections On Urban Citizenship. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 4, pp. 726-737.
- Zavisca J. (2012) *Housing the New Russia*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Zunino H. M., Hidalgo R. (2009) Spatial and socioeconomic effects of social housing policies implemented in neoliberal Chile: the case of Valparaiso. *Urban Geography*, vol. 30, no 5, pp. 514-542.